

«АГОНИЯ», КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Пожалуй, ни одна из «полочных» картин не рождалась так мучительно и так долго. Работа над фильмом началась в 1966-м. Снят он был в 1974-м. Сдан в 1975-м. Выпущен на экраны в 1985-м. Два десятилетия отчаянной, изнурительной борьбы. Сначала — за право поставить фильм. Потом — за его спасение...

«Рождение «Антихриста»

Начиналось все вроде бы безоблачно, даже при попутном ветерке. Юбилейная лихорадка 1966 года, охватившая страну в связи с приближением 50-летия революции, не могла обойти стороной и «важнейшее из искусств». Навстречу «великому празднику» на всех студиях страны уже было запущено поистине неисчис-

лимое количество дежурных кинополотен во славу Октября. Но комитетские столоничальники из кожи лезли, чтобы дополнительно «украсить» планы юбилейного года названиями все новых и новых фильмов соответствующей тематики.

Вся эта суета и чрезмерное усердие вышли ретивым чиновникам боком: в числе юбилейных полотен, которыми Комитет по кинематографии собирался отслаивать празднику, неожиданно обнаружились далекие от правоты, а то и вовсе «крамольные» фильмы: «Комиссар», «Начало неведомого века», «Интервенция», «Первороссияне». В этой же «нехорошей» компании готовилась к запуску и будущая «Агония». Но в юбилейном священнодействии этим работам поучаствовать, увы, не удалось. Ленты, переступившие незыблемые каноны изображения революции и обнаружившие признаки вольнодумства, одна за другой были отправлены на «полку». Судьба же «Агонии» сложилась несколько иначе.

Мосфильмовское объединение «Луч», руководимое И. Пырьевым, планировало к юбилею фильм А. Эфроса по пьесе А. Толстого «Заговор императрицы». Однако вышла осечка — Эфрос, по общему убеждению, сценарий «завалил». Пырьев, спасая положение, неожиданно предложил попытать счастья на той же стезе... Элему Климову.

(Окончание на 8—9-й стр.).

Экран и кино - 1992 - 3-Юрид (1148) - с. 18-9

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Климов вспоминает об этом так: «После скандала с «Похожениями зубного врача» Пырьев, которому этот фильм странным образом понравился, пригласил меня на разговор и с присущей ему прямолинейностью резанул: «Ты понимаешь, Едем (так он меня называл), что после такого фильма тебе жизни не будет?» — «А что же мне делать?» — «Тебе нужно сделать юбилейный фильм». Я как-то растерялся — уж чего-чего, а стать мастером «юбилейного» кинематографа я никогда не мечтал. «Нет, Едем, — сказал мне Пырьев, — ты не прав. Я хочу предложить одну интересную затею...» «Заговор императрицы» читал!» — «Нет, не читал.» — «А ты прости!»

Я одолел это произведение, говорю: «Нет серьезной драматургии. Пьеса написана вблизи событий, а угоду обывательскому вкусу. Картонная вещь. Это я делать не буду».

И тут Пырьев взорвался: «Черт с ним, до Щеголевы! Черт с ним, с Толстым. А Гришка... Гришка Распутин! Это же фигура... Я тебя умоляю — достань и прочитай протоколы допросов Комиссии Временного правительства, в которой работал Александр Блок. И, самое главное, Распутин там не пропустил!»

Из вундерлиного собрания отчетов, изданных Комиссией по расследованию преступлений царизма, я прочел, наверное, томка сем. Передо мной словно распахнулась бездна российской истории.

Пришел к Пырьеву: «Берусь. Действительно, потрясающий материал, особенно — Распутин». Иван Александрович обрадовался. Видимо, фигура Распутина занимала его не на шутку. В чем-то она ему была очень близка. У меня даже как-то промелькнула мысль: «А может быть, он сам попробует сыграть эту роль?»

Я предложил сначала взяться за сценарий на эту тему Александру Володину (он был сценаристом «Похожений зубного врача»). Володин не вдохновился: «Это не мое...» Тогда обратился к И. Нусинову и С. Лунгину — авторам, с которыми я начинал. Они заинтересовались, начали работать...»

В мае 1966 года в объединении «Луч» утвердили заявку на сценарий «Святой старец Гришка В селении (Мессия)». В августе на худсовет объединения уже обсуждали первый вариант сценария. Он назывался «Антихрист». «В первых моих фильмах», рассказывает Климов, — у меня обозначился крен в сатиру. Он дал себя знать и в «Антихристе». Фильм задумывался в фарсовом ключе. У нас было как бы два Распутина. Один — как бы «подлинный» Распутин. Другой — фольклорно-легендарный «Образ «фольклорного Распутина» складывался из невероятных слухов, легенд, анекдотов, которые в свое время ходили про Распутина в народе. Тут все было преувеличено, шаржировано, гротескно. Будто бы, будучи немецким шпионом, он самым невероятным образом пробрался в царский дворец, пролезал чуть ли не через ночной горшок императрицы, попадал через тайный ход за линию фронта и т. д. и т. п.»

Обсуждение сценария на худсовете прошло «на ура». Особенно доволен был сам Пырьев: «Давно не читал такого профессионального сценария. Жанр вещи выдержан точно. Фарс есть фарс. Сегодня это наиболее интересный, удобный и умный взгляд на последние дни Романовых».

Распутин выведен в сценарии как положительный характер. И это хорошо. В нем есть неуемная сила народная. Эта сила существует не только в Распутине, но есть и в народе. Народ показан мудрым — рассказы, легенды, притчи...

Сценарий надо запускать в режиссерскую разработку.

30 августа 1966 года литературный сценарий «Антихрист» был представлен на утверждение в Комитет.

«Зачем сегодня рассказывать о Распутине?!»

Первыми по поручению ГСРК* рецензировали сценарий Л. Арнштам и М. Блейман.

Арнштам, добрый и мудрый ангел ГСРК, за годы работы в коллегии не написал, пожалуй, ни одного положительного отзыва. О сценарии «Антихрист» он отзывался восторженно.

М. Блейман же над сценарием крепко призадумался. Чем, надо полагать, заставил призадуматься и саму коллегию, «На «Мосфильме», — писал он, — пытались ставить «Заговор императрицы». Слава богу, что-то разумный пресек эти спекулятивные попытки. Слава богу, об этом попросили написать людей талантливых и серьезных. И я должен сказать, что кое-что (примеч. неавторизованное) С. Лунгину и И. Нусинову удалось. Вопрос только в том, какова мера удачи в сопоставлении с мерой того, что им не удалось.

Так вот — удался сам по себе Распутин, и это очень существенно. Он раскрыт как сильный и своеобразный характер. Интересно, что он не только авантюрист, но и человек, верующий в свою манию. Интересно, что он не только пролезает в «верхи», но и презирает их, что он в сущности умен и смел — он играет со смертью (эпизод с отравлением). В нем есть размах и даже совестиливость — не случайно он приходит в отчаяние когда узнает о наступлении под Ригой, им же инспирированном. Словом, это не нужно доказывать, Распутин получился в сценарии как крупный и яркий характер. Его были бы интересно смотреть зрителю и интересно сыграть большому актеру. Да и тексты Распутина написаны широко, размашисто. Этот образ — удача.

* Главная сценарно-редакционная коллегия.

Но все остальное, по моему мнению, не удалось. Стоило доказать, что все персонажи, кроме Распутина, лишены характеров — все названы, но никто не детализирован...

(...) Но гораздо важнее другое. В сценарии начисто отсутствует трагическая реальность войны, голода, угнетения народа, гибели России, которой правят негодяи и юродивые, мошенники и безумцы. Это не насильственное требование, это требование внесения исторического смысла во всю эту историю. И тут не оправдаться тем, что это не исторический сценарий, а всего только исторический «фарс». Историю, это неточное определение. Сценарий не имеет отношения ни к жанру народного фарса (легкого, свободного, вольного народного зрелища), ни к слабостности «фарса», скажем, Сабуровского. Лунгин и Нусинов писали откровенно сатирический, политический фарс. Тогда в нем обязательны не только комические элементы характеристик «верхов», но и трагические. Нашли же они драматические краски для характеристики Распутина. Они обязаны были найти и пусть обобщенный образ дворцовой наемщины, не только да легла бы на трагическую ситуацию войны и разрухи.

Далее, непонятен замысел вещи. Зачем рассказывать сегодня о Распутине? Каков авторский интерес во всей этой истории? Я не требую прямых аллегорий — прямых аналогий. Может быть, речь идет о непереносимом загнивании диктаторских и самодержавных режимов? Но сценарий не дает возможности для зрительских догадок, для зрительских «аллюзий», которые могли бы возникнуть, если бы держать в уме историю Диема во Вьетнаме или Ли Син-мана, к примеру. Но вот одна аллюзия возникает — это когда Распутин критикует нарты известного художника у графини Игнатьевой. Не хочу уточнять — это и несерьезно и неглубоко. Это фирменный напев, а не критика, причем, сопоставление не только рисованное, но и легкомысленно-неверное.

Последнее — сценарий несмешон... Значит, я отрицательно отношусь к сценарию? Как будто, да. Но в том-то и дело, что меня подкупает талантливость авторов и те удаи, о которых я говорил (...) И я бы просил авторов еще поработать над сценарием, усовершенствовать его, не торопиться с постановкой, а продумать и выявить замысел, определить стиль и творческую манеру...

Реакция штатных редакторов ГСРК оказалась куда более однозначной. Негативное отношение было высказано в персональных редакторских заключениях без каких бы то ни было полутонков.

«От чего Октябрь 1917-го спас миллионы людей»...

Имея избыточный запас убойных отзывов, можно было копаться сценарию могли и преспокойно доводить дело до победного конца. Но что-то удержало все же Е. Суркова, главного редактора ГСРК, от этого шага. Нет, недаром носил он высокий титул — «золотое перо нашей партии». Как изыщю свел он воедино все претензии своих сотрудников, превратив казенный отзыв в дружественное лирико-философское послание! Впрочем, в том, наверное, был тонкий расчет:

т. т. Э. Климову
С. Лунгину
И. Нусинову.

Уважаемые товарищи! А. Е. Ремезчук сказал мне, что ваш сценарий обсуждался на большой редакционной коллегии «Мосфильма» и что теперь вы «удалились» от мира, чтобы по-лучше его доработать.

Для того, чтобы работа ваша была интенсивнее и, главное, для того, чтобы вы могли учесть те моменты, вокруг которых, возможно, развернется дискуссия на заседании нашей сценарно-редакционной коллегии, мне хочется поделиться с вами сомнениями и надеждами, которые вызывает у меня ваш сценарий.

Сперва о надеждах. Они обуславливаются возможностью создать яростный, взрывчатый фильм о том периоде русской истории, который непосредственно предшествовал Октябрю и который беспрестанно предвещает сейчас только по скупым убийствам. Фильм о Распутине может и должен стать фильмом о необходимости революции; о ее не только неадекватности, но и доброте, справедливости. Короче, это должен быть фильм, который рассказывает о том, от чего спасла Россию партия в Октябрьские дни и чем была царская Россия, против которой вели борьбу большевики.

Вот это — «чем была царская Россия» — и должно, с моей точки зрения, стать внутренним содержанием фильма. Распутинщина не анекдот, неизвестно почему рассказанный похобой проказницей истерикой, а уродливое, гротескное выражение самой сути царизма. Это радужный, всеми красками перебивающийся, гигантский и зловонный прыщ, в котором скопилось все гнилотные процессы, протекающие в наскало больном организме романовской России.

По-видимому, вы дотрагиваетесь, что тут уже возникает переход от надежд к сомнению, потому что, отдавая должное таланту сценаристов, блестящей разработке языковой характеристики самого Григория Распутина, эффективности многих ситуаций, я боюсь, что анекдот все-таки заслоняет пока историю и что не история является главным действующим лицом и главным объектом исследования в вашей работе.

(...) фарс должен раскрываться в своей исторической закономерности и значимости. Это значит, что чем смешнее, неожиданнее, нелепее, бессмысленнее, анекдотичнее ситуация, которую вы изображаете, тем яснее должны проступать силы, эту ситуацию порождающие. И, главное, должно быть ясно, чего этот анекдот стоил России, на какой крови валялся мажорный чертополох распутищины, какими слезами была омыта мистическая блажь правящей верхушки (...)

У вас же все это выглядит не совсем так. И прежде всего потому, что распутищина оторвана от корня, выключена из исторического контекста, как любят говорить рецензенты, рассмотрена сама по себе, понята только как анекдот, а не как знамение времени (...).

Объяснить распутищину и самого Распутина как знамение времени — это и значит решить драматургию вещи, ее идейную сверхзадачу. Потому что если вы решите эту задачу, то вы непременно выйдете на простор и другой, более емкой и сложной задачи: вы напиши-

Пожалуй, ни одна из «полочных» картин не рождалась так мучительно и так долго. Работа над фильмом началась в 1966-м. Снят он был в 1974-м. Сдан в 1975-м. Выпущен на экраны в 1985-м. Два десятилетия отчаянной, изнурительной борьбы. Сначала — за право поставить фильм. Потом — за его спасение... Сам автор, режиссер Элем Климов по этому поводу говорит: «Агония» — это половина моей жизни. Фильм круто повернул всю мою судьбу. В работе над ним я испыду все — и радость, и удачу, и отчаяние. Если бы можно было рассказать все, что приключилось на этом фильме и вокруг него, то получился бы, наверное, настоящий роман...»

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

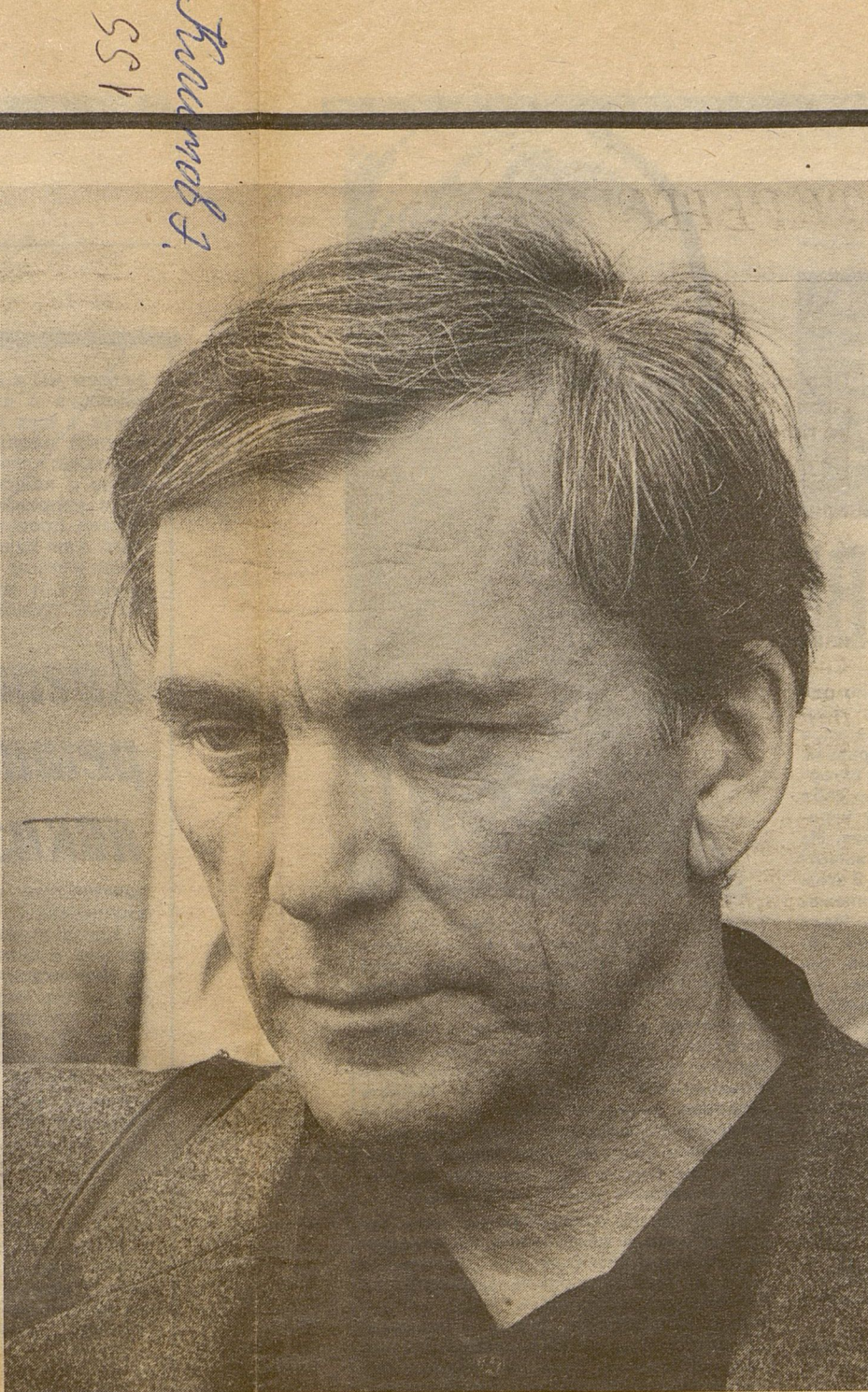
Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

Кто знает, может быть, такой роман когда-нибудь и будет написан. Пока же, начиная с этого номера и до конца года, «ЭС» публикует несколько его «страниц».

«АГОНИЯ», которой могло не быть

Двадцатилетний роман с фильмом в письмах, документах и воспоминаниях героев • Явление «Антихриста» и пришествие «Мессии» • Григорий Распутин как зеркало русской революции • «Едем, ты не прав»

те сценарий для фильма о революции, о ее необходимости, о том, от чего Октябрь 17-го года спас миллионы людей.

Пока такого итога вам достичь еще не удалось.

Но достичь его вы можете. И я потому и пишу вам это письмо, что чувствую огромные возможности, которые как потенциал скрыты в вашей рукописи, верю в то, что именно вам по плечу эта задача, недаром меня так увлекают многие страницы сценария, которые я уже вижу в режиссерском осуществлении Климова и, заранее, простите за вулгаризм, облизываюсь при этом от удовольствия. Да, у вас получится задирный, звонкий, смешной и очень занимательный фильм. Но если будет только это — вы проиграете и проиграете неправильно. Фильм должен быть и страшен, и глубок, и значителен. И чем более он будет фарсовым, тем более за всеми фарсовыми нелепостями и взвизываниями должна проступать трагическая подоплека истории. Поверьте мне в этом. Я уже как-то говорил Элему Климову о том, что очень сочувствую самой идее поставить фильм о Распутине и очень хотел бы постоспособствовать такому нужному и нужному делу.

Именно поэтому я и написал вам эти несколько строк. Буду искренне рад, если они побудят вас к какому-то новому решению и поискам.

Крепко жму руку.

Искренне ваш

Е. СУРКОВ.

7 октября 1966 г.

«Не хотелось бы увидеть эту «клубничку» в советской картине...»

Сколь ни значительными были опасения комитетской редакции, авторам удалось все же получить разрешение на продолжение работы. В ноябре Элем Климов

представил студии режиссерский сценарий. Одним из первых с ним познакомился М. Ромм.

«Я прочитал здесь, в больнице, режиссерский вариант сценария «Антихрист». Сценарий мне понравился. Сейчас заговор сделан подробно и полное. Ясное прощупывается обстановка, характеры, образы. В целом — яркая, сильная и своеобразная картина предельного падения царской Империи в период ее позорного распада, — несомненно получается. Характер этой эпохи настолько невероятен, что даже самое реалистическое ее изображение граничило бы с гротеском, с фарсом, с полной неспристойностью. Поэтому мне представляется правильным остро гротескный, лубочный прием, который взяли авторы с режиссером. Иначе есть только путь социологического исследования с революционным финалом, который я считаю невозможным и неверным для данного случая (...)

Я еще раз подтверждаю, что эта картина глубоко меня интересует, что я готов всемерно помогать в осуществлении ее, помогать всем, чем смогу, когда по-зволит мне состояние здоровья».

С приветом

Михаил РОММ.

11.XI-66 г.

15 ноября 1966 года объединение «Луч» официально представило режиссерский сценарий Комитету. Рецензировать режиссерский сценарий было поручено С. Нагорному, М. Блейману, Р. Юреневу. Первый из них, отметив отдельные недоработки, высказался в пользу Климова: «В целом я с полной уверенностью поддерживаю этот сценарий. Нет сомнений, что он послужит основой для яркого и умного фильма».

Позиция М. Блеймана оказалась более «диалектичной»: «Это второй вариант сценария, который я читал. Должен сказать, что авторы — серьезные и ответственные за свое творчество люди — не отмахнулись от критики, а серьезно и внимательно переработали сценарий (...)

Многие авторы теперь удалось. Прежде всего они нашли стилистичность сценария. Рядом с фарсовыми сценами идут эпизоды трагические. Иногда трагическая атмосфера чувствуется в диалогах (...)

Историю покушения и убийства Распутина нужно бы

сделать отчетливее и яснее (...) Тут я, кстати, должен высказать недоумение по поводу того, что авторы стыдливо обрили тему убийства (...) Отказ от сцены эффектной, показывающей убийц Распутина, как трусов, которые отравляют его, стреляют в спину, был бы эффектен не только по материалу, но и по существу — он был снисходительным филер с убийц. А это нужно. Не говорю мне о том, что это акцентировало бы то, что убивали Распутина для сохранения режима. Это вообще следует точнее подчеркнуть».

Последнее — образ Распутина. Тут у меня есть некоторые сомнения в том, что авторы решили его верно (...). Он в сценарии дублируется. С одной стороны — он безграмотный хам, он глуп, он мажорней, стяжатель и прочее. С другой стороны, он говорит о себе как о Пугачеве, он иногда бескорыстен, он даже народен (...) Авторы даже несколько любят его, что ли Распутиным, его силой, умом, сочетанием просоливости и диности, словом, любят его характером. Я понимаю, что, если не сделать Распутина по-своему крупным, то не стоило и начинать. Но если делать его таким, уйдет тема ничтожества власти. Вот в чем дело. Кстати, несколько мемуаристов говорили о нем как об очень хитром мужикине, не больше. Я понимаю, что такая трактовка может и не понравиться авторам, но тогда нужно очень внимательно пересмотреть образ (...) Слишком много сейчас в Распутине именно «пугачевщины», упоминание о которой, кстати, совсем перекрывает образ».

Это не цензурные замечания, я от них далек. Это молба о ясности, о простоте, которая необходима в столь сложном балансе стилей, жанров, философии, фара, трагедии, — которого требует этот сценарий. Думается, что С. Лунгин, И. Нусинов, Э. Климов найдут в себе силы пересмотреть образ Распутина, довести его до ясности, и не потерять свой образ, его силой, найти ключ к характеру, который вовсе не был ни демоническим, ни антихристовым.

Последнее — нужно доверить талантливым людям, тем более, что они не отмахиваются от критики, а думают. Поэтому я бы доверил и на этот раз — все, что они сочтут нужным, они могут делать свободно, фарс, трагедия, — в процессе подготовки сценария к производству».

21.12.66 г..

Р. Юренев в своем отзыве обошелся, увы, без «диалектики»:

«Скажу сразу, что не понял ни идеи этого сценария, ни обстоятельств, вызвавших его появление, ни причин, по которым молодой режиссер Климов, поставивший две острые, умные, современные картины, заинтересовался этой темой».

Фигура Распутина — грязная, страшная, по-своему очень яркая и колоритная, как нельзя лучше характеризует разложение правящей верхушки царской России, приведшей ее к гибели. В Распутине перепелись и вырождение идеальной официальности, и кризис православия, и коррупция царских приближенных, и бездарность монархического правительства, и безволие Николая II, и истерия его немки-жены, и шарлатанство, авантюризм, а может быть, и продолжение промышленников, заинтересованных в войне, в поставках, в междоусобицах интригах. К тому же легенды о гиперфигурированных сексуальных потенциях «старца», о его чудовищном разврате, пьянстве, лихихствах — все это, конечно, может привлечь внимание литераторов. Но, вместе с тем, сама фигура «старца», дела его друзей, атмосфера кружка Вырубовой — требуют от литератора очень большой выискательности, строгого вкуса, большого исторического чутья и такта: легко власть в пошлость, в сенсационное обыгрывание «придворных тайн», «разложения буржуазии» и прочей «клубнички». Недаром Распутин стал главным героем кинематографии Временного правительства, когда отмена царской цензуры и мелкобуржуазная спекулятивная «революционность» дали возможность протискивать порнографию под видом разоблачительства. Недаром в истории советского кино фигура Распутина не была использована: моральная чистота, скромность советского кино не позволяли вытаскивать на экран эту грязь даже в целях разоблачения царизма. Царизм били не по алковой линии».

Зная, что исторический материал обычно выражает современные идеи, я долго раздумывал, какие сегодняшние общественные явления — внутренние или междоусобицы — могли породить интерес к распутищине и какова основная тенденция этого сценария? И не нашел ответа. Посмелся над предложением царизма к пятидесятилетнему его падению? Но стоит ли для этого говорить столь сложный и дорого стоящий «огород»? Сатра ведь быт не по умершим порокам, а по существующим, живым».

Художественное решение сценария тоже вызывает недоумение. И режиссер с сценаристы С. Лунгин и И. Нусинов, люди, одаренные и обладающие вкусом, старались не очень погружаться в живописание распутищеских безобразий, пытались показывать их иронически. Но, вместе с тем, сцены прохода на четвереньках по ресторану, дикой пьянки и драки в деревне, раблезианская сцена в парной бане, фарсовый эпизод одевания голый фрейлины Никитиной в «ворота белозорного белья» — все это никакой иронией не украсишь. Мне не хотелось бы видеть эту «клубничку» в советской картине (...)

Зрителя ведут от одной мерзости к другой, а какая мысль, какая цель все это объединяет — я не понял.

Я думаю, что сценарий «Антихрист» — неудача талантливых авторов, и я был бы искренне рад, если бы Э. Климов отказался от этой странной затеи.

Р. ЮРЕНЕВ.

«По тематическим соображениям»

Итак, авторитетнейшие рецензенты ГСРК разошлись во мнениях. Руководству было из чего выбирать. И «почему-то» отзыв Р. Юренева более всего пришелся ему по душе...

«Пырьев поначалу нас горячо поддерживал. Но когда из Комитета стали поступать вести о том, что там о

нас думают и какие отзывы строчат, он стал пригорюниваться: «Слушай, Едем, ты в режиссерском сценарии перебрал. Особенно в финале...»

А надо сказать, фильм завершался очередной народной байкой про «ненастоящую» смерть Распутина. Мужики на экране переговаривались меж собой: «Вот единственный мужик к царю пробрался и того убил...» — «А ты знаешь, он жив!» — «Как жив!» — «Так ведь он спас...» И далее на экране жили были возникать картины этого «спасения».

...Толпа на набережной у Невы, где в прорубь убийцы сбросили Распутина. Машина государя. Императрица. Тут же и сам Батюшка-царь. Дамы. Придворные. И выплывают на Неве огромный кусок льда, какой-то кран его поднимает над водой. Внутри — Распутин, раскинувший руки... Как живой! Опускают этот ледяной куб на мостовую. И вдруг женщины начинают рвать на себе одежды и принимать грудью ко льду, чтобы растопить его...

Не всем хватило юмора вообразить, что это можно сделать смешно, пародийно, и меня за это финал уже успели поругать многие. Когда же еще раз за то же зацепился Пырьев, я завелся. Для начала попробовал было как-то отшутиться.

Я говорю: «Не волнуйтесь — финал этот придумаю для отвода глаз. На самом деле все будет по-другому». Пырьев обрадовался: «А какой же тогда настоящий финал?» — «Начинается все так же. Набережная, народ, дамы, царь, поляны... И вдруг из этой поляны появляется гигантский фаллос и Распутин выбирается по нему как по шесту...»

Иван Александрович не сразу пришел в себя: «Так, подожди... Ты мне это серьезно говоришь? Я на голубом глазу подтверждаю: «Ага...» — «Не, Едем, ты мне серьезно скажи... Ты не шутишь?» — «Да что вы!» Он посмотрел на меня долгим взглядом: «Ну, ладно... Тогда иди». Видимо, в этот момент Пырьев решил, что перед ним — сумасшедший.

Тут же он поехал в Комитет к Баскакову, и нас мгновенно закрыли. Дурацкая моя шутка дорого обошлась...».

Вскоре на «Мосфильм» полетела официальная «похоронка»:

«7/1 — 1967 г.

Генеральному директору киностудии «Мосфильм» тов. Сурину В. Н. Комитет по кинематографии при Совете Министров СССР, ознакомившись со сценарием «Антихрист», считает нецелесообразным включение этого сценария в план производства фильмов 1967—1968 г. г. по тематическим соображениям».

В. БАСКАКОВ».

Чуть позже вадонку было отправлено более пространное обоснование: «В дополнение к нашему письму от 7/1—67 г. относительно сценария С. Лунгина и И. Нусинова «Антихрист» считаем нужным сообщить Вам соображения, по которым Комитет по кинематографии находит нецелесообразным включение этого произведения в план производства фильмов на 1967—1968 г. г.

Предметом изображения в сценарии является распутищина, разложение двора Николая II, придворные интриги, разложение царизма — Григорий Распутин, в образе которого фигура сценария — Григорий Распутин, предстали олицетворение бунтарского буйства, духа разгульного мтежа, издревле присущего якобы русскому мужику. При этом в сценарии совершенно отсутствует атмосфера предреволюционной России, зрелищные силы народного возмущения, упоминание об организованной борьбе рабочего класса, какие-либо предвестники грядущей бури.

Такое одностороннее освещение русской предре